
**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ
И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**ВОЗВРАЩЕНИЕ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ
ДЛЯ ИЗМЕНЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ
АТРИБУТ ВЫНЕСЕНИЯ ЗАКОННОГО, ОБОСНОВАННОГО
И СПРАВЕДЛИВОГО ПРИГОВОРА**

© 2019 г. В. Л. Григорян

Саратовская государственная юридическая академия

E-mail: vagan1384@mail.ru

Поступила в редакцию 24.04.2018 г.

Аннотация. В статье рассмотрена правовая позиция Конституционного Суда РФ, допустившая возвращение судом уголовного дела прокурору с целью квалификации деяния обвиняемого как более тяжкого преступления. На основе анализа принципов уголовного процесса аргументирована точка зрения, в соответствии с которой возвращение уголовного дела прокурору для изменения обвинения по инициативе суда вписывается в отечественную модель состязательности. Доказано, что толкование органа конституционного судебного контроля по обозначенному вопросу обусловлено изначально неправильным построением уголовного процесса, заключающимся в неверно выстроенном соотношении досудебной и судебной деятельности по уголовным делам. Выявлены критерии разграничения судебной деятельности по усилению обвинения и дополнительного расследования. Обоснован итоговый вывод о том, что при разумном подходе судей возвращение уголовного дела прокурору для изменения обвинения должно позиционироваться в качестве неотъемлемого атрибута вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, изменение обвинения, правовая позиция Конституционного Суда РФ, состязательность сторон, принципы уголовного судопроизводства, неправильное построение уголовного процесса, соотношение досудебного и судебного производства, дополнительное расследование, инициатива суда, внутреннее убеждение.

Цитирование: Григорян В.Л. Возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения как необходимый атрибут вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора // Государство и право. 2019. № 8. С. 53–61.

DOI: 10.31857/S013207690006242-8

**RETURN BY THE COURT OF CRIMINAL CASE TO THE PROSECUTOR
FOR STRENGTHENING THE ACCUSATION AS THE NECESSARY
ATTRIBUTE OF IMPLEMENTATION OF THE LEGAL RIGHT SENTENCE**

© 2019 V. L. Grigoryan

Saratov state Law Academy

E-mail: vagan1384@mail.ru

Received 24.04.2018

Abstract. The article considers the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, allowing the court to return the criminal case to the prosecutor with the purpose of qualifying the accuser's act as a more serious crime. On the basis of the constructive analysis of the systemic nature of the principles of the criminal process, the argument is argued that the return of the criminal case to the prosecutor for the strengthening of the charge on the court's initiative fits into the domestic model of competition. It is proved that the interpretation of the body of constitutional judicial control on the indicated issue is due to the initially incorrect construction of the criminal

process, which consists in the incorrectly constructed correlation of pre-trial and judicial activities in criminal cases. The criteria for delineation of judicial activity to strengthen the prosecution and additional investigation have been revealed. The final conclusion is substantiated that, with a reasonable approach of judges, the return of a criminal case to the prosecutor for the strengthening of the prosecution should be positioned as an integral attribute of the issuance of a lawful, reasonable and fair verdict.

Key words: the return of the criminal case to the prosecutor, the increase in the charge, the legal position of the Constitutional Court of the Russian Federation, the adversarial nature of the parties, the principles of criminal proceedings, the wrong construction of the criminal process, the ratio of pre-trial and judicial proceedings, additional investigation, court initiative, internal conviction.

For citation: *Grigoryan, V.L. (2019). Return by the Court of criminal case to the prosecutor for strengthening the accusation as the necessary attribute of implementation of the legal right sentence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 8, pp. 53–61.*

Рассмотрение Конституционным Судом РФ жалобы гражданина Узбекистана Б.Т. Гадаева и запроса Курганского областного суда увенчалось вынесением 2 июля 2013 г. Постановления № 16-П, допустившего возможность изменения обвинения после возвращения судом уголовного дела прокурору. При этом орган конституционного судебного контроля указал, что необходимость в возвращении дела прокурору для предъявления более тяжкого обвинения может возникнуть в случаях, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления¹.

Обозначенная правовая позиция вызвала далеко неоднозначную реакцию представителей юридического сообщества. Более того, она (позиция) изначально формировалась в условиях противоречивости. А иначе чем можно объяснить тот факт, что по итогам рассмотрения поданных жалобы и запроса один из судей Конституционного Суда РФ С.М. Казанцев высказал свое особое мнение, не согласившись с наделением суда полномочиями по возвращению дела прокурору для исправления допущенных органами уголовного преследования нарушений или ошибок, если этим ухудшается положение подсудимого и нарушается его право на защиту? Исправление подобного рода нарушений или ошибок, как посчитал С.М. Казанцев, не должно восприниматься в качестве

конституционно значимой цели, ради достижения которой требуется выполнение судом не свойственной ему функции обвинения². Намного категоричнее об анализируемом решении Конституционного Суда РФ отозвались некоторые известные ученые-процессуалисты. В частности, А.С. Александров и М.В. Лапатников констатировали восстановление в отечественном уголовно-процессуальном праве института дополнительного расследования, заключив, что своим Постановлением орган конституционного контроля ликвидировал состязательность уголовного судопроизводства³.

Дискуссии относительно запрета на возвращение уголовного дела прокурору с целью восполнения неполноты предварительного расследования велись с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ. Еще задолго до вынесения упомянутого Постановления Конституционного Суда РФ многие исследователи, как бы предостерегая от возможности кардинального преобразования редакции ст. 237 УПК РФ, говорили о недопустимости существования дополнительного расследования в уголовном процессе состязательного типа и настаивали на оставлении института возвращения судом уголовного дела прокурору без изменений в действующей форме⁴. И лишь отдельные авторы придерживались точки зрения

² См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.М. Казанцева по Постановлению Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запроса Курганского областного суда» // Росс. газ. 2013. 12 июля.

³ См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Вперед в прошлое (Состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // ЭЖ-Юрист. 2013. № 30. С. 1, 5.

⁴ См.: Гаврилов Б.Я., Дегтярев В.П. Возврат к институту доследования: за и против // Уголовный процесс. 2005. № 2. С. 28; Ежова Е.В. Институт возвращения уголовного дела прокурору. М., 2007. С. 53.

¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запроса Курганского областного суда» // Росс. газ. 2013. 12 июля.

о необходимости частичного возрождения данного института с «прицелом» на дополнительное расследование⁵, а некоторые – и вовсе прямо указывали на потребность в дополнении ст. 237 УПК РФ новым основанием, которое позволит суду возвращать уголовное дело прокурору при обнаружении допущенных в ходе расследования существенных нарушений материального и процессуального закона, не устранимых в судебном заседании, повлекших стеснение предоставленных участникам уголовного судопроизводства прав, в том числе и тогда, когда имеются предпосылки для изменения предъявленного обвинения на более тяжкое⁶.

С принятием Конституционным Судом РФ Постановления № 16-П число научных деятелей, оправдывающих возвращение уголовного дела прокурору для предъявления обвинения в совершении более тяжкого преступления, заметно прибавилось. Об этом на страницах юридических изданий писали Т.К. Рябинина, оценившая вышеприведенную позицию как беспорную⁷, Е.А. Зайцева, признавшая ее закономерной, не нуждающейся в критике⁸. Решительнее всех данное Конституционным Судом РФ толкование отстаивали В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова, которые разглядели в нем значительный позитивный потенциал, открывающий простор для оптимизации уголовно-процессуального законодательства. Ученые обстоятельно аргументировали разграничение таких правовых явлений как возвращение уголовного дела прокурору для усиления обвинения и дополнительное расследование⁹. К субъектам, разделяющим точку зрения органа конституционного судебного контроля по обозначенному вопросу, формально можно отнести и российского законодателя, ведь по истечении года со дня вынесения Постановления Конституционного Суда РФ № 16-П был принят Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений

в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», дополнивший ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом 6¹⁰, содержание которого преимущественно дублирует вышеизложенную позицию Конституционного Суда РФ.

Теперь инициативу суда по возвращению уголовного дела прокурору для изменения обвинения надо воспринимать как данность. В этой связи хотелось бы представить собственное видение относительно того, насколько судебское усмотрение при принятии решения о возвращении дела прокурору по указанному основанию вписывается в российскую модель состязательного уголовного процесса, можно ли было избежать нововведений в правовом регулировании деятельности, связанной с возвращением уголовного дела прокурору, или возникшая ситуация являлась неизбежной, обусловленной изначально неправильным построением уголовного судопроизводства, присущи ли основанию возвращения уголовного дела прокурору, закрепленному в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, признаки дополнительного расследования.

Итак, принятая в 1991 г. Концепция судебной реформы в числе важнейших направлений судебной реформы предусмотрела организацию судопроизводства на принципах состязательности, равноправия сторон, презумпции невиновности подсудимого¹¹. Заданный в Концепции посыл был учтен при разработке Конституции РФ, в ч. 3 ст. 123 которой объединены положения о состязательности и равноправии сторон в самостоятельный принцип («судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»). Несколько иную трактовку состязательности и равноправия сторон получили при конструировании норм отраслевого уголовно-процессуального законодательства. В действующем УПК РФ конституционный принцип состязательности и равноправия сторон сконструирован искусственно. Думается, что современное состояние досудебного производства, где подлинного равноправия сторон добиться практически невозможно, вполне оправдывает такой подход законодателя. Тем не менее состязательность сторон в части размежевания процессуальных функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела характерна для всех этапов уголовно-процессуальной деятельности.

Системность как отличительный признак принципов уголовного судопроизводства означает, что принципы уголовного процесса образуют в своем

⁵ См., напр.: *Божьев В.П.* Правовое регулирование первой стадии судебного производства // Уголовное право. 2007. № 6. С. 74.

⁶ См.: *Шиплюк В.А.* Существенное нарушение норм уголовно-процессуального и материального законодательства как основание возвращения уголовного дела судом прокурору // Росс. юрид. журнал. 2011. № 1. С. 24.

⁷ См.: *Рябинина Т.К.* Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // Росс. следователь. 2013. № 24. С. 6–10.

⁸ См.: *Зайцева Е.А.* Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // Росс. судья. 2014. № 5. С. 39–43.

⁹ См.: *Кальницкий В.В., Куряхова Т.В.* Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения // Следователь. 2013. № 9. С. 7, 8.

¹⁰ См.: Росс. газ. 2014. 25 июля.

¹¹ См.: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

единстве целостную систему, где содержание и значение каждого принципа обусловлены функционированием всей их системы. Принципы, на которых строится (базируется) уголовно-процессуальная деятельность, не могут существовать автономно друг от друга. Они должны реализовываться во взаимосвязи и взаимообусловленности. В то же время взаимосвязь и взаимообусловленность принципов не следует трактовать расширительно. Как справедливо отметили А.М. Ларин и Ю.И. Стецовский, признание взаимосвязи отнюдь не предполагает, что «содержание одного принципа полностью сводится к содержанию другого», заключив при этом, что «качественная определенность каждого из них — одно из условий системности принципов»¹². Из приведенных суждений вытекает, что качественная определенность подразумевает уникальность принципа, выражающуюся в обладании им собственным содержанием. Вместе с тем нельзя не согласиться с А.В. Гриненко в том, что в практическом плане системное исследование ориентирует на нормативное закрепление содержания принципов, при котором будет оптимально функционировать вся система¹³.

Ни один из принципов уголовного судопроизводства не может выступать в качестве всепоглощающего императива, подчиняющего себе другие руководящие положения. Именно поэтому безосновательны заявления о неравнозначности принципов в системе¹⁴, а уж тем более абсурдным выглядит умозаключение, что среди основных начал, регламентированных гл. 2 УПК РФ, только состязательность сторон и законность относятся к принципам уголовного процесса, тогда как все остальные являются общими условиями (правилами) судопроизводства, обеспечивающими реализацию двух названных принципов¹⁵. Напротив, заслуживает быть разделенной сформировавшаяся в уголовно-процессуальной доктрине советского периода и отстаиваемая многими учеными Российской Федерации точка зрения, в соответствии с которой отвергается сама постановка вопроса о делении принципов уголовного судопроизводства

на главные и второстепенные¹⁶. Принимая ее за основу, мы склонны констатировать, что при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности принципы следует использовать «дозированно», как говорится, «не сметая все на своем пути», в связи с чем актуальны пределы действия каждого из них.

Необходимость в определении пределов действия руководящих начал уголовного судопроизводства требует исследования уголовно-процессуальных принципов с содержательной стороны. Фактически из любого принципиального предписания на законодательном уровне допускаются некоторые исключения, свидетельствующие об ограничении в реализации того или иного принципа в целом. При этом вывод о наличии такого рода ограничений иногда делается посредством анализа статей, размещенных в гл. 2 УПК РФ и прямо закрепляющих нормы-принципы. Так, в силу принципа неприкосновенности жилища осмотр в жилом помещении при отсутствии согласия проживающих в нем лиц, а также обыск и выемка в жилище производятся по судебному решению, за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ч. 1, 2 ст. 12 УПК РФ). Однако с учетом того, что принципы уголовного судопроизводства выступают как наиболее общие, предельно абстрактные требования, а их содержание не может быть установлено отдельно взятой процессуальной нормой (какой бы объемной она ни была)¹⁷, подобные изъятия (исключения, ограничения) зачастую усматриваются либо презюмируются в частных нормах, созданных на основе базового предписания.

К частным нормам, развивающим основные постулаты состязательности, в ряду прочих относится законоположение о пределах судебного разбирательства в той мере, в какой оно не позволяет суду при рассмотрении уголовного дела изменить обвинение, если этим ухудшается положение подсудимого (ч. 2 ст. 252 УПК РФ). Неверная интерпретация данного правила как раз и служит «камнем преткновения» для признания допустимым возвращения судом уголовного дела прокурору с целью предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления. Полагаем, что многие исследователи, негативно оценивающие право суда возвращать уголовное дело прокурору по указанному основанию, видят в пределах

¹² Ларин А.М., Стецовский Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 42.

¹³ См.: Гриненко А.В. Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник МГОУ. Сер. «Юриспруденция». 2007. № 2. С. 64.

¹⁴ См., напр.: Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова. М., 2008. С. 60.

¹⁵ См.: Пикалов И.А. Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 7.

¹⁶ См.: Якуб М.Л. О принципах советского уголовного процесса // Соц. законность. 1951. № 8. С. 33; Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 33, 34; Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 79; Его же. Система принципов уголовного судопроизводства. С. 67.

¹⁷ См.: Безруков С.С. Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 13.

судебного разбирательства безусловный запрет на какое-либо инициирование судом усиления обвинения. Между тем анализируемая норма подлежит ограничительному толкованию, и ее действительный смысл заключается в том, что суд не вправе изменить предъявленное лицу обвинение в сторону ухудшения по итогам судебного разбирательства и отразить такое изменение в приговоре.

Это, в свою очередь, не исключает права суда при выявлении в действиях обвиняемого (подсудимого) признаков более тяжкого преступления направить уголовное дело на стадию предварительного расследования для того, чтобы совершенное им деяние получило должную уголовно-правовую оценку, а обвинение было предъявлено заново. Соответствующая оговорка текстуально не регламентирована ч. 2 ст. 252 УПК РФ, но она презюмируется и включается в содержание принципа состязательности сторон в качестве изъятия из общего правила. Лишь такое понимание состязательности очерчивает пределы ее действия в уголовном судопроизводстве, открывает возможность использования других принципов, что в конечном итоге свидетельствует о законности уголовно-процессуальной деятельности. Если же толковать норму о пределах судебного разбирательства буквально (как запрет на всякое инициирование судом усиления обвинения), то состязательность предстает в виде ничем не ограниченного императива, блокирующего в нарушение принципа свободы оценки доказательств реализацию судом внутреннего убеждения, поскольку обязывает суд вынести решение, искусственно занижая квалификацию содеянного подсудимым, либо (как абсурдный вариант) постановить оправдательный приговор. И в первом, и во втором случаях уместно вести речь о неправосудности приговора, постановленного вопреки требованиям ст. 297 УПК РФ.

Резюмируя изложенное, есть все основания утверждать, что возвращение судом уголовного дела прокурору для изменения обвинения не только вписывается в современную отечественную концепцию состязательности, но и «реанимирует» принцип свободы оценки доказательств, так как при установлении обстоятельств совершения подсудимым более тяжкого общественно опасного деяния способствует проявлению внутреннего убеждения суда.

Продолжая размышлять о легитимности судебного усмотрения по вопросу переквалификации деяния подсудимого на более тяжкое преступление, невольно задумываешься о том, почему сформулированная Конституционным Судом РФ правовая позиция нашла отражение только в Постановлении № 16-П от 2 июля 2013 г., спустя 11 лет после вступления в силу УПК РФ, и мог

ли законодатель избежать кардинального преобразования ч. 1 ст. 237 УПК РФ, дополненной в п. 6 новым основанием возвращения уголовного дела прокурору. Столь поздняя реакция органа конституционного судебного контроля на очевидное и, вероятнее всего, сознательное упущение разработчиков УПК РФ необъяснима. Как справедливо пишет Т.К. Рябинина, «можно только удивляться, что такие “простые” истины были вне поля зрения Конституционного Суда ранее, хотя он неоднократно обращался к анализу правовых норм, регулирующих институт возвращения уголовного дела прокурору»¹⁸. Напротив, длительное бездействие законодателя Российской Федерации по обозначенной проблеме и вынужденный (по требованию Конституционного Суда РФ) характер изменений, внесенных им в ч. 1 ст. 237 УПК РФ и допустивших направление уголовного дела прокурору для изменения обвинения по волеизъявлению суда, понятны и легко объясняются изначально неправильным построением отечественного уголовного судопроизводства.

Трудно не согласиться с высказыванием В.М. Корнукова, что неправильное построение уголовного процесса выражается прежде всего в неверно выстроенном соотношении досудебной и судебной деятельности по уголовным делам¹⁹. Досудебный порядок подготовки материалов уголовного дела обстоятельно регламентируется УПК РФ. При этом исключительно по усмотрению процессуальных органов начинается досудебное производство, собираются доказательства, принимается решение о завершении расследования и направлении уголовного дела в суд. Участие стороны защиты на данном этапе характеризуется пассивным присутствием. Ярким подтверждением тому служит анализ содержания итоговых актов предварительного расследования. В подавляющем большинстве обвинительных заключений графа о доказательствах, на которые ссылаются обвиняемый и его защитник, заполняется с использованием формулировок «по делу не имеется», «отсутствуют» и т.п.

Совсем иной законодательный подход применяется к конструированию норм, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность в судебном производстве. Их создание осуществляется по остаточному принципу. Так, количество следственных действий, производство которых возможно по инициативе суда, сводится к минимуму (производство судебной экспертизы и допрос эксперта), неоправданно расширяется перечень

¹⁸ Рябинина Т.К. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ См.: Корнуков В.М. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // Библиотека криминалиста. Науч. журнал. 2017. № 1 (30). С. 83.

случаев оглашения показаний свидетеля и потерпевшего по ходатайству одной стороны, не устанавливается ограничений на оглашение сформированных в ходе предварительного расследования протоколов следственных действий и заключений экспертов и др. Как следствие, общее условие судебного разбирательства о непосредственном исследовании доказательств превращается в фикцию. Наблюдается, если можно так выразиться, явный перекос в сторону материалов предварительного расследования, вследствие чего в сознании судей укореняется гипертрофированное представление о результатах досудебного производства. Выводы следователя (дознателя) из предварительных, какими они должны быть в концептуальном смысле, фактически становятся окончательными. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к весьма распространенной практике составления так называемых «флеш-приговоров», куда в виде якобы умозаключений судьи целиком переносятся фрагменты текста из обвинительного заключения (акта)²⁰. В сложившихся условиях, когда априори неверное соотношение досудебного и судебного этапов процесса уже привело к тому, что технология «штамповки» судебных приговоров по образу и подобию итоговых актов расследования признана отработанной, любая попытка наделить суд возможностью проявлять усмотрение, пусть даже и по переквалификации деяния подсудимого на более тяжкое, представляется крайне невыгодной. Думается, что именно этим вызвано нежелание законодателя самостоятельно, без протекции Конституционного Суда РФ внести необходимые изменения в редакцию ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

Отмеченная ущербность в построении уголовного судопроизводства, явившись в единстве с обусловленной ею порочностью судебной практики мотивом для бездействия законодателя в соответствующем направлении, одновременно выступила причиной неизбежности ситуации, впоследствии ставшей предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ. Мы наглядно продемонстрировали, что выявленные недостатки правовой регламентации способствовали тенденции к упрощению деятельности по осуществлению правосудия, при которой выводы органов расследования принимаются судом на веру без должного проникновения в существо фактических обстоятельств дела. И в этом смысле получается, что в целом проблема уголовно-правовой оценки деяния обвиняемого, данной на стадии предварительного расследования, не тревожила судей. Однако многие из представителей судейского корпуса все же косвенно

²⁰ См.: Обвинение + приговор = обвивор. № 1: «Дело Ив Роше». Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения // Новая газ. 2015. 26 янв.

выражали обеспокоенность тем, что раскритикованные нами положения УПК РФ создают определенный процессуальный «тупик», нивелируя внутреннее убеждение судей при поступлении к ним уголовных дел с явно заниженной квалификацией преступления. Не случайно к лету 2013 г. в российских судах накопилась обширная практика, когда формальности соблюдены, новых обстоятельств не возникло, но обвинение выдвигается по более мягкой статье, нежели это кажется справедливым самому судье²¹.

В такой обстановке, характеризующейся проявлением двойственного подхода к решению вопроса об изменении обвинения подсудимого на более тяжкое, обнаружилась правовая неопределенность, которую требовалось незамедлительно устранить, чтобы привести к единообразию судебную практику. Учитывая, что законодатель сознательно воздерживался от предоставления суду необходимых полномочий, возникшая неопределенность могла быть устранена лишь вышестоящей судебной инстанцией. И случай представился, когда в орган конституционного судебного контроля независимо друг от друга поступили жалоба Б.Т. Гадаева и запрос Курганского областного суда. Соединив их в одном производстве, Конституционный Суд РФ взвешенно подошел к оценке содержащихся в жалобе и запросе доводов и изменил надлежащим образом правовое регулирование деятельности, связанной с переквалификацией деяния подсудимого на более тяжкое преступление. По сути, изменение правового регулирования в данной ситуации произошло за счет формулирования нового основания возвращения уголовного дела прокурору, которое стало допускаться по инициативе суда при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о совершении подсудимым более тяжкого преступления, чем ему вменялось изначально. Немного позднее уже законодатель, взяв на себя роль технического оформителя позиции Конституционного Суда РФ, вынужденно дополнил ч. 1 ст. 237 УПК РФ пунктом 6, успешно применяющимся ныне при производстве по конкретным уголовным делам²². Опираясь на приведенную аргументацию, можно сделать вывод, что именно неправильное построение уголовного судопроизводства обусловило разобщенность взглядов судей на проблему изменения

²¹ См.: Суд уполномочен вернуть [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/06/03/5366401.shtml?updated> (дата обращения: 24.04.2018).

²² См.: Бутенко Т. В Саратове второй раз за неделю суд вернул уголовное дело прокурору из-за неправильной квалификации преступления [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://nversia.ru/news/v-saratove-vtoroy-raz-zanvedelyu-sud-vernul-ugolovnoe-delo-prokuroru-iz-za-nepravilnoy-kvalifikacii-prestupleniya> (дата обращения: 24.04.2018).

обвинения подсудимого в сторону ухудшения, закономерным итогом разрешения которой послужило толкование органа конституционного судебного контроля, впоследствии практически дословно отраженное в тексте УПК РФ.

Еще одним аспектом, заявленным нами в качестве составной части предмета исследования, является соотношение возвращения уголовного дела прокурору для изменения обвинения с дополнительным расследованием. Ранее мы обращали внимание, что многие юристы расценили произошедшие изменения в порядке возвращения уголовного дела прокурору как восстановление института дополнительного расследования в отечественном уголовно-процессуальном праве. Безусловно, по отдельным параметрам возвращение судом уголовного дела прокурору с целью предъявления лицу более тяжкого обвинения и дополнительное расследование соприкасаются друг с другом. В то же время имеется ряд критериев, позволяющих разграничить указанные правовые явления.

Запрет на осуществление дополнительного расследования, вытекающий из анализа Постановлений Конституционного Суда РФ от 20 марта 1999 г. № 7-П, от 4 марта 2003 г. № 2-П, от 8 декабря 2003 г. № 18-П и сохраняющийся до настоящего времени, предполагает, что суд не вправе направлять уголовное дело обратно в досудебное производство, если требуется восполнить неполноту проведенного следствия или дознания, когда обвинение подсудимого не обосновано принципиально, т.е. имеющаяся совокупность доказательств недостаточна (либо ее нет вовсе) для вывода о совершении преступления конкретным лицом. Возвращая уголовное дело прокурору в описанной ситуации, суд ориентирует процессуальные органы на поиск новых обвинительных доказательств, с помощью которых необходимо установить обстоятельства причастности лица к определенному преступлению. Особенно важно уяснить, что здесь на момент возвращения уголовного дела суду не известно ни о самих доказательствах, подлежащих собиранию, ни уж тем более об обстоятельствах, нуждающихся в установлении. И, самое главное, при наличествующей совокупности доказательств (недостаточной) у суда есть все предпосылки для вынесения в дальнейшем оправдательного приговора. Под углом зрения выделенных критериев прослеживается обвинительная направленность судебной деятельности, ввиду чего дополнительное расследование и признается недопустимым.

Что касается основания, закрепленного в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, то оно предусматривает два варианта развития событий. Первый из них используется судом, если изложенные в обвинительном заключении (акте, постановлении)

фактические обстоятельства свидетельствуют о потребности квалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления. Деятельность судьи при этом носит оценочный характер (обстоятельства им самим не выявляются), а уголовное дело возвращается прокурору для приведения юридической стороны обвинения в соответствии с фактической путем оформления решений, наделяющих лицо процессуальным статусом обвиняемого. Следственные действия после возвращения уголовного дела либо не производятся вообще (при осуществлении дознания), либо выполняются в связи с предъявлением нового обвинения, а не для его аргументации. Очевидно, что признаки дополнительного расследования тут отсутствуют.

Намного сложнее провести грань между деятельностью по изменению обвинения и восполнением неполноты следствия (дознания) во втором варианте, где фактические обстоятельства устанавливаются непосредственно в судебном производстве. Естественно, возвращение уголовного дела в такой ситуации подразумевает осуществление следственных действий, результаты которых предопределяют вновь предъявленное лицу обвинение. Однако стоит заметить, что обстоятельства, влекущие перекалфикацию деяния подсудимого в сторону ухудшения, изначально выясняются судом, а после возвращения дела следователь (дознатель) лишь придает им надлежащую процессуальную форму посредством закрепления сведений в регламентированных УПК РФ доказательствах. Получается, что с точки зрения информационной составляющей собранные доказательства вряд ли корректно именовать «новыми». Кроме того, в данном случае неуместно говорить о потенциальной возможности постановления оправдательного приговора, поскольку доказательства, содержащиеся в материалах уголовного дела, подтверждают обвинение подсудимого, но ввиду получения судом ранее неизвестных сведений оно нуждается в изменении. С учетом озвученных доводов возвращение уголовного дела прокурору для предъявления лицу обвинения в совершении более тяжкого преступления не следует отождествлять с дополнительным расследованием в той интерпретации, которая ему придается упомянутыми решениями Конституционного Суда РФ.

* * *

Демонстрируемое нами по ходу исследования позитивное отношение к режиму возвращения дела прокурору с целью изменения обвинения вовсе не значит, что рассматриваемая процедура лишена изъянов, причем как законодательного свойства, так и правоприменительного характера. В частности, не совсем понятно, каким образом на предварительном слушании могут устанавливаться

фактические обстоятельства, подтверждающие неизбежность квалификации деяния обвиняемого как более тяжкого, — ведь стадия подготовки и назначения судебного заседания не ориентирована на разрешение вопросов существа дела. Большие сомнения вызывает правомерность ограничения внутреннего убеждения следователя и дознавателя, которым буквально навязывается позиция суда о целесообразности переквалификации действий подсудимого. Опасения возникают и по поводу реализации норм о возвращении уголовного дела в практической деятельности, поскольку они в части, допускающей ухудшение положения обвиняемого, способны превратиться в инструмент воздействия на него, когда под страхом усиления обвинения подсудимый будет вынужден соглашаться с ранее данными показаниями и подтверждать их в судебном разбирательстве. Абсолютно не исключается также вероятность злоупотребления правом на возвращение уголовного дела прокурору в ситуации, при которой основание, предусмотренное п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, ввиду корпоративности в системе и стиле работы органов правосудия и уголовного преследования фактически станет использоваться судом для восполнения неполноты предварительного расследования. Тем не менее совокупность аргументированных в исследовании выводов приводит нас к убеждению, что при рациональном подходе судей возвращение уголовного дела прокурору с целью квалификации деяния подсудимого как более тяжкого преступления должно служить неотъемлемым атрибутом вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров А.С., Лапатников М.В.* Вперед в прошлое (Состязательность в уголовном процессе КС РФ ликвидировал) // *ЭЖ-Юрист*. 2013. № 30. С. 1, 5.
2. *Безруков С.С.* Принципы уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 13.
3. *Божьев В.П.* Правовое регулирование первой стадии судебного производства // *Уголовное право*. 2007. № 6. С. 74.
4. *Бутенко Т.* В Саратове второй раз за неделю суд вернул уголовное дело прокурору из-за неправильной квалификации преступления [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://nversia.ru/news/v-saratove-vtoroy-raz-za-nedelyu-sud-vernul-ugolovnoe-delo-prokuroru-iz-za-npravilnoy-kvalifikacii-prestupleniya> (дата обращения: 24.04.2018).
5. *Гаврилов Б.Я., Дегтярев В.П.* Возврат к институту доследования: за и против // *Уголовный процесс*. 2005. № 2. С. 28.
6. *Гриненко А.В.* Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 79.
7. *Гриненко А.В.* Система принципов уголовного судопроизводства // *Вестник МГОУ. Сер. «Юриспруденция»*. 2007. № 2. С. 64, 67.
8. *Добровольская Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 33, 34.
9. *Ежова Е.В.* Институт возвращения уголовного дела прокурору. М., 2007. С. 53.
10. *Зайцева Е.А.* Постановление Конституционного Суда РФ по жалобе Б.Т. Гадаева и запросу Курганского областного суда: размышления о праве суда на возвращение уголовных дел прокурору в состязательном уголовном судопроизводстве // *Росс. судья*. 2014. № 5. С. 39–43.
11. *Кальницкий В.В., Куряхова Т.В.* Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения // *Следователь*. 2013. № 9. С. 7, 8.
12. *Корнуков В.М.* Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: мифы и реальность // *Библиотека криминалиста. Науч. журнал*. 2017. № 1 (30). С. 83.
13. *Ларин А.М., Стецовский Ю.И.* Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1988. С. 42.
14. Обвинение + приговор = обвивор. № 1: «Дело Ив Роше». Большую часть текста приговора братьям Навальным судья скопировала из обвинительного заключения // *Новая газ.* 2015. 26 янв.
15. *Пикалов И.А.* Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 7.
16. *Рябинина Т.К.* Возвращение уголовного дела прокурору: старые проблемы в новом свете // *Росс. следователь*. 2013. № 24. С. 6–10.
17. Суд уполномочен вернуть [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/06/03/5366401.shtml?updated> (дата обращения: 24.04.2018).
18. *Уголовный процесс: учеб. / под общ. ред. А.В. Смирнова*. М., 2008. С. 60.
19. *Шиплюк В.А.* Существенное нарушение норм уголовно-процессуального и материального законодательства как основание возвращения уголовного дела судом прокурору // *Росс. юрид. журнал*. 2011. № 1. С. 24.
20. *Якуб М.Л.* О принципах советского уголовного процесса // *Соц. законность*. 1951. № 8. С. 33.

REFERENCES

1. *Alexandrov A.S., Lipatnikov M.V.* Forward to the past (The adversary system in criminal proceedings, the constitutional court abolished) // *The EZH-Lawyer*. 2013. No. 30. P. 1, 5 (in Russ.).
2. *Bezrukov S.S.* Principles of criminal proceedings: autoabstract dis. ... Doctor of Law. M., 2016. P. 13 (in Russ.).
3. *Bagiev V.P.* The legal regulation of the first stage of judicial proceedings // *Criminal Law*. 2007. No. 6. P. 74 (in Russ.).
4. *Butenko T.* In Saratov for the second time in a week, the court returned the criminal case to the Prosecutor because of the wrong qualification of the crime [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://nversia.ru/news/v-saratove-vtoroy-raz-za-nedelyu-sud-vernul-ugolovnoe-delo-prokuroru-iz-za-neppravilnoy-kvalifikacii-prestupleniya> (accessed: 24.04.2018) (in Russ.).
5. *Gavrilov B. Ya., Degtyarev V.P.* Return to the Institute of additional investigation: for and against // *Criminal proceedings*. 2005. No. 2. P. 28 (in Russ.).
6. *Grinenko A.V.* The system of principles of criminal procedure and its implementation at the pre-trial stages: dis. ... Doctor of Law. Voronezh, 2001. P. 79 (in Russ.).
7. *Grinenko A.V.* System of principles of criminal proceedings // *Vestnik of the Moscow state regional University. Ser. "Jurisprudence"*. 2007. No. 2. P. 64, 67 (in Russ.).
8. *Dobrovolskaya T.N.* Principles of the Soviet criminal process. M., 1971. P. 33, 34 (in Russ.).
9. *Ezhova E.V.* Institute of return of criminal case to the Prosecutor. M., 2007. P. 53 (in Russ.).
10. *Zaitseva E.A.* Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation on the complaint of B.T. Gadaev and the request of the Kurgan regional Court: reflections on the right of the Court to return criminal cases to the Prosecutor in adversarial criminal proceedings // *Ross. judge*. 2014. No. 5. P. 39–43 (in Russ.).
11. *Kalnitsky V.V., Kuryakova T.V.* The essence and order of implementation of the Constitutional Court of the Russian Federation on the issue of returning the case to the Prosecutor for enhanced charges // *Investigator*. 2013. No. 9. P. 7, 8 (in Russ.).
12. *Kornukov V.M.* Accusatory bias in criminal proceedings: myths and reality // *Library of criminalist. Science journal*. 2017. № 1 (30). P. 83 (in Russ.).
13. *Larin A.M., Stetsovsky Yu. I.* the constitutional principle of ensuring the accused the right to defense. M., 1988. P. 42 (in Russ.).
14. Charge + sentence = obligor. No. 1: "The Yves Rocher Case". Most of the text of the sentence Navalny brothers judge copied from the indictment // *New gas*. 2015. 26 Jan. (in Russ.).
15. *Pikalov I.A.* Competition in the system of principles of criminal procedure and its implementation by the defense at the pre-trial stages: autoabstract dis. ... PhD in Law. Ekaterinburg, 2006. P. 7 (in Russ.).
16. *Ryabinina T.K.* Return of criminal case to the Prosecutor: old problems in a new light // *Ross. investigator*. 2013. No. 24. C. 6–10 (in Russ.).
17. The Court is authorized to return [Electronic resource] – Access mode: URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/06/03/5366401.shtml?updated> (accessed: 24.04.2018) (in Russ.).
18. The criminal process: Textbook / under the general ed. of A.V. Smirnov. M., 2008. P. 60 (in Russ.).
19. *Shiptyuk V.A.* Essential violation of norms of the criminal procedure and material legislation as the basis of return of criminal case by Court to the Prosecutor // *Ross. legal journal*. 2011. No. 1. P. 24 (in Russ.).
20. *Yakub M.L.* On the principles of the Soviet criminal process // *Socialist legality*. 1951. No. 8. P. 33 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГРИГОРЯН Ваган Леонович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Author's information

GRIGORYAN Vagan L. – PhD in Law, associate Professor of the criminal procedure Department of the Saratov state Law Academy; 1 Volskaya street, 410056 Saratov, Russia